

«ГЕОРГИКИ» ВЕРГИЛИЯ КАК ТРАКТАТ ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ

Ученые, занимавшиеся сельским хозяйством древней Италии, часто привлекали Вергилия как авторитетного свидетеля по ряду хозяйственных вопросов. Не обошел его своим вниманием и А. Диксон, которого можно считать основоположником изучения италийского полеводства¹. Ссылки на «Георгики» у Магерштедта² мы найдем всякий раз, когда речь идет о полеводстве, о разведении скота либо о пчеловодстве. Почти все статьи в РЕ, посвященные каким-либо сельскохозяйственным работам или орудиям, обращаются наряду с другими «писателями-агрономами» и к Вергилию (*Ackerbau, Düngung, Getreide, Egge, Ernte* и др.). В первой половине нынешнего столетия вышла книга Р. Бийара, специальное исследование о «Георгиках» как об агрономическом трактате³.

Все перечисленные работы занимались «Георгиками» как произведением, где содержится ряд советов по сельскому хозяйству; вопрос о том, кого они имеют в виду, крупного землевладельца или мелкого собственника-крестьянина, они не ставят. Задал его и на него ответил 19 веков назад Сенека: *pec agricolae docere voluit sed legentes delectare* (Ер. 86, 15); круг читателей составляли, конечно, люди достаточно образованные, чтобы оценить художественные достоинства поэмы: бедняк-крестьянин, окончивший в лучшем случае только начальную школу, вряд ли бы оказался в этом кругу. Но, может быть, Вергилий, обращаясь к умственной элите своего времени, рисовал ей картины крестьянского хозяйства и быта? Может быть, «Георгики», действительно, «крестьянская поэма»?

Такого взгляда придерживаются многие западные ученые и знатоки Вергилия⁴, у нас его разделяет В. И. Кузищин⁵. В последнее десятилетие такая трактовка Вергилия была подвергнута острой критике⁶. Может быть, поэтому нелишним окажется перечитать «Георгики» в поисках конкретного материала, который позволил бы более или менее точно определить облик и хозяйства, и хозяина, которых имел в виду поэт. Начнем, естественно, с первой книги.

Содержащиеся в ней агрономические предписания обязательны не только для любого хозяйства, но и для всех стран и всех времен: всегда и всюду и крупный землевладелец и мелкий хозяин должны быть знакомы с почвенными и климатическими условиями того места, где они хозяйничают, знать сроки сева и пахоты, заботиться о семенном материале и об удобрении.

В «Георгиках» мы встретимся с такими агротехническими приемами, которых нет ни у Варрона, ни у Колумеллы: это спасыванье посевов (112) и использование бороны при посеве (95). То и другое было возможно лишь там, где вспаханное поле не разделявали гребнями, как это делали в Апулии, Кампании, Лации, Этрурии и Сабинии, а засевали ровно, сплошь, пространство, по которому до посева и после него проходили боронами. Такой сев назывался *sub sulco*, и о нем рассказывает и Плиний (NH, XVIII, 180). Нелепо было бы думать, что крестьянин сеял *sub sulco*, а его богатый сосед *in liga*; перед нами общая местная агротехническая практика⁷. Не следует вообще пред-

¹ A. Dickson, *The Husbandry of the Ancient*, Edinbourg, 1750.

² A. F. Magerstedt, *Bilder aus römischen Landwirtschaft*, Sonderhausen, 1859—1862.

³ R. Villard, *L'agriculture dans l'antiquité d'après les Géorgiques de Virgile*, P., 1929.

⁴ Гельцер (H. Goelzer) в своем комментированном издании «Георгик»: *Virgile Les Géorgiques*, P., 1934; E. Saint-Denis, *Virgile Géorgiques*, P., 1956, Introduction, passim; P. Grimal, *Civilisation Romaine*, P., 1960.

⁵ В. И. Кузищин, *Крестьянское хозяйство в древней Италии*, ВДИ, 1973, № 1.

⁶ J. P. Brisson, *Virgile, son temps et la nôtre*, P., 1966; J. Perret, *Virgile*, P., 1965.

⁷ Вергилий рекомендовал поднимать жирную землю «в первые же месяцы года» (64) и четырехкратную вспашку (148—149); *quarto seri sulco Vergilius existimatur voluisse* (Plin., NH, XVIII, 181). Число вспашек диктовалось, конечно, местными

ставлять крестьянскую агротехнику существенно отличной от агротехники рабовладельческого поместья. Богатый хозяин мог, конечно, выделять участки для опытных дежанок и «отваживаться на новое» (Col., I, 1, 4—5; Varr., I, 18, 7—8); мог устраивать зацементированные навозохранилища (Col., I, 6, 21—22) и заниматься опытами по выведению новых сортов лоз, но все эти новшества и усовершенствования не касались самих основ агротехники: и пахота, и сев, и жатва, и молотба происходили одинаково и в крестьянском, и в «помещичьем» хозяйстве, ибо и там, и здесь работали одинаковыми орудиями: рала из разных мест Италии между собою более или менее различались, но ни в одном из наших источников нет и намека на то, что одними ралами лахали в богатых хозяйствах и совсем другими в бедных; в Кампании и Лации жали зернами, а в Пизцене «кривой палочкой» — одинаково и на скромном участке, и на ниве богатого соседа. Сельскохозяйственные орудия, упоминаемые в «Георгиках» (I, 160—165), — рало, телега, трибула, трага, *gastri* и «утварь из прутьев» — отнюдь не характерны именно для крестьянского хозяйства: сельское хозяйство вообще немислимо без рала и без телег (Cat., 10, 2; 135; 1—2); крестьянин делал для себя рало своими руками, но сделать его мог и раб. В рабовладельческих имениях, о которых пишет Варрон (I, 22, 1), изготовляют «из прутьев и деревенского материала короба, корзины (у Вергилия — *virgae... suppellex*, Georg., I, 165), трибулы, колья, *restelli*) (у Вергилия — *tribula... iniquo pondere rastri* — 164).

Работы в дождливую погоду и в праздники (259—272) были те же и в имении, и на крестьянском участке и различались только объемом, о котором Вергилий умалчивает. И там, и здесь надо было отбивать затупившийся лемех, готовить колья (Варрон), подпорки (*furcas bidentes — bipedales furcillae — Varr., I, 8, 6*) и сваяла для лоз, огораживать посевы и мыть овец; что надо косить и жать на заре, пока не сошла роса, это было известно и рабу, и крестьянину. Все эти советы и предписания «нейтральны» и ничего не дают для определения хозяйства, о котором пишет поэт.

Была ли разница в ассортименте высеваемых полевых культур у крестьянина и у его богатого соседа? Вергилий называет из зерновых: двузернянку (73 и 219), пшеницу (219), ячмень (210), просо (216), овес (77); из бобовых: вику (75 и 227), чечевицу (228), бобы (215), люпин (75), *phaseolus* (227). Упомянуты также люцерна (214) и лен (212). «Классовое лицо» этих растений неразличимо: тут возможны только предположения. Их сеяли по всей Италии; долина По была особенно богата просом (Strabo, 218); о посевах могоара, бобов, репы, которая занимала по тем местам третье место после хлеба и вина, говорит Плиний, уроженец тех мест, хорошо знакомый с их хозяйством (XVIII, 101 и 127). Можно предполагать, что в крестьянском хозяйстве и просо, и могоар вместе с репой занимали видное место (*multis regionibus cibariis eorum, coloni sustentantur — Col., II, 9, 17 — о просе и могоаре; rena — non hominem solum, verum etiam boves pascut praeserue in Gallia — Col., II, 10, 22; Колумелла имеет в виду Цисальпийскую Галлию*), но Вергилий ни о репе, ни о могоаре не говорит. Вряд ли крестьянин сеял у себя *phaseolus* (это не наша фасоль, которая пришла к нам из Мексики) — растение, отнюдь не выделявшееся своими достоинствами и малоизвестное. Только богатый землевладелец мог позволить себе роскошь отвести какой-то участок под редкую и не особенно выгодную культуру. Крестьянин вряд ли сеял люцерну, «мидийскую траву», требовавшую сложного ухода (Col., II, 10, 25—28). Лен в долине По был «промышленной культурой», им оживленно торговали (Plin., NH, XIX, 9), и крестьянину, вероятно, выгоднее было купить у богатого соседа нужное ему количество льна, чем отдавать под это истощающее землю растение какую-то часть своего небольшого поля. Говорить о том, что крестьянин предпочитал двузернянку пшенице, вряд ли возможно: ухода оба растения требовали одинакового (Col., II, 12, 1), но пшеница любила места посуше, а там, где было сыро, лучше было сеять двузернянку (Col., II, 6, 4).

условиями и местной практикой: Колумелла советовал тяжелую и сырую почву троить (II, 4, 4); Варрон, имевший в виду Сабинию и Умбрию, предписывал пахоту двукратную; работу, при которой рыхлую землю, уже обсемененную, забирали в гребни ралом «с ушами», нельзя, конечно, считать пахотой (I, 29, 1—2).

Нет никакого основания считать овес культурой, широко распространенной в крестьянских хозяйствах. Колумелла белго упоминает овес как кормовое растение (II, 10, 32), о сроках его сева говорит и Плиний (XVIII, 205). Очень интересны его слова об этом растении: «Самым страшным сорняком является овес. В него перерождается ячмень, и овес сам приобретает вид хлебного растения; германские племена его сеют и только и живут овсяной кашей» (XVIII, 149). Стоит отметить, что Плиний не называет овес как растение, употребляемое в еду в Транспаданской Италии, а он хорошо знал быт своих земляков и неоднократно говорит о составе их пищи.

Итак, ни агротехника, ни сельскохозяйственные орудия, ни ассортимент полевых культур не дают материала для суждения о крестьянском хозяйстве.

Есть, однако, в «Георгиках» стихи, позволяющие утверждать, что Вергилий имеет в виду именно крестьянина: это в первую очередь 95—99:

multum adeo, rastris glaeahas qui frangit inertes
vimineasque trahit crates, iuvat arva neque illum
flava Ceres alto nequiquam spectat Olympo.

Отнести эти слова к рабу на господском поле не позволяет эмоциональный подтекст этих строк. Вергилий сумел с присущим ему мастерством передать в кратких словах целое мировоззрение: мировоззрение человека, который чувствует себя хозяином земли не потому, что ему принадлежит кусок этой земли, а потому, что он знает, как с ней обращаться. Он «безудержно трудится» (*labor improbus*, 145) и этим трудом не только подчиняет ее (*imperat arvis*, 99), но и помогает ей (*iuvat*), и удостоивается ее благосклонности (*neque illum flava Ceres alto nequiquam spectat*). Весь этот строй скорее чувств, чем мыслей, естествен для свободного человека, сына родной земли, и недопустим чужаку-невольнику. О крестьянине написаны и 155—159: только ему, а не богатому соседу грозит при неурожае голод. «Дешевые плоды» (*vilis roma*) везет на соседний рынок и делает там нужные закупки тоже крестьянин (273—275). И он же изображен за работой в зимнюю ночь со своей женой, занятой тканьем или кипячением виноградного сока (291—296).

Рядом с этими стихами «крестьянского аспекта» мы найдем, однако, и другие, которые к крестьянину и крестьянскому хозяйству отнести трудно. Вряд ли при самом обильном урожае у крестьянина «ломались от зерна амбары» (*immensae ruperunt horrea messes* — 49). *Cum flavis messorum induceret arvis agricola* (317) — крестьянин сам идет с серпом в поле, а не посылает туда жнеца. *Agricola* здесь наводит скорее на мысль о «помещике», чем о крестьянине. Немыслимо представить, что слова «*ne satiare fime pingui pudeat sola*» (81) «*ne refugis tenuisque piget cognoscere cures*» (178) имеют в виду крестьянина: приготовление тока для него отнюдь не *tenuis cura*, а существенно важное дело; ни одному крестьянину не будет стыдно или неприятно «насыщать землю жирным навозом» — он счастлив и доволен, если у него этого «жирного навоза» с избытком. Такое обращение уместно к «барину», новоселу в деревне, бестолковому новичку в хозяйстве.

Что касается зимних развлечений, то крестьянин, конечно, мог ставить силки на «ушастых зайцев» (307 сл.), но у него вряд ли были средства обнести, тенетами загон для оленей: охота на крупную дичь — это вообще забава богатых людей.

И наконец: *cuncta tibi Cererum pubes agrestis adoret...* «пусть для тебя все деревенское взрослое население почитит Цереру... пусть вслед за жертвой идет ликующая толпа соучастников» (343 сл.) — мог ли простой крестьянин обратиться ко «всему деревенскому населению», зовя его обойти свой скромный участок? Сопровождала бы его «толпа ликующих соучастников»? Перед нами крупный землевладелец, с которым связана деревня и окрестные усадьбы и от которого они во многом зависят: он приглашает их принять участие в «очищении поля» (не совершается ли обход всей земли, принадлежащей деревне?), и соседи весело (*ovantes*) откликаются на его призыв.

Итак, в этой книге «Георгик», во-первых, нет данных, которые характеризовали бы чисто крестьянское хозяйство, а во-вторых, черты крестьянского быта сочетаются и

с реальными подробностями, и с психологической атмосферой, которая характерна, говоря языком прошлого столетия, для «барского жития».

Перейдем ко второй книге, посвященной древесным насаждениям и главным образом виноградникам. Предписания, как ухаживать за лозой, конечно, так же нейтральны, как и приведенные выше агротехнические рецепты. Лоза требовала одинакового за собой ухода и от крестьянина, и от богатого землевладельца. В эти технические наставления врываются иногда строки, которые далеко уводят от крестьянского хозяйства: возлияний из золотой чаши в крестьянском дворе, конечно, не совершали (190), а совет *laudato ingentia rura exiguum solito* давать крестьянину было неуместно. Вергилий имеет в виду традиционный для долины р. По тип виноградника, где лозы вились по деревьям, *arbustum* (361, 367). Крестьянский ли? Плиний, говоря о выгоды такого виноградного сада (не надо перекапыванья, не надо оград; возможны комбинированные культуры: виноград и зерновые — NH, XVIII, 203), имеет в виду уже устроенный *arbustum* и ни слова не говорит о том, как сложно и длительно его устроить. Об этом рассказывает Колумелла (5, 6): хозяин должен обзавестись школкой, где он высевает семена деревьев (преимущественно вязов), с которыми потом будет «сочетать» лозы; сеянчики требуют кропотливого ухода: пропальванья, особой поливки (*conspergi potius quam rigari*, § 8), пересаживанья из школы в питомник. Только когда дерево исполнится три года, его сажают на место, в заранее приготовленные квадратные ямы (3 × 3 × 3), «а если земля рыхлая, то в канавы такой же глубины и ширины», и лишь после того, как оно примется и окрешнет (через 2—2½ года), его формируют сложной, неоднократно повторяющейся обрезкой, цель которой образовать *tabulata* «этажи», где потом расположатся ветви лозы. Когда деревцу будет шесть лет, тогда можно уже сочетать его с лозой (Col., arb. 16, 3): «деревья и лозы должны быть равны силами и возрастом» (§ 18). Все это означает, что, рассчитывая устроить *arbustum*, хозяин должен иметь и *vinea*, т. е. шпалерный виноградник, откуда лозы пересаживались в *arbustum*, и где как раз и происходили работы, упомянутые 353—360, где прямо названы *vineta*, и 397—412. Было все это под силу крестьянину? Если ему удавалось «одеть лозами» несколько деревьев (как и каким способом, мы не знаем), то говорить о крестьянских *arbusta* вряд ли возможно⁸. Зато культура маслины предопределена именно «в крестьянском аспекте»: *non ulla est oleis cultura* (420). С таким отношением к маслине боролся уже Катон, и от него быстро отказались опытные хозяева, но в крестьянской среде маслине большого внимания не уделяли, благо дерево и так давало кой-какой урожай.

Для ответа на вопрос, о ком говорит Вергилий в «Георгиках» и к кому он обращается, чрезвычайно важен знаменитый конец второй книги: *o fortunatos nimium, sua si bona norint, agricolas...* (458 сл.). Мартен отметил, что контраст с городской жизнью знатного богача — ее роскошью и суестью — получал смысл только при противопоставлении ей деревенской жизни также богатого человека, но отнюдь не бедняка-крестьянина. О жизни богатого собственника говорят и ее подробности: *dives opum variarum at latis otia fundis...* Стихи 513—531 единого образа, правда, не дают. В 513—514 (*agricola incurvo terram dimovit aratro, Hunc anni labor*) перед нами крестьянин, работающий на своем поле, но 515—522 говорят скорее о большом и богатом хозяйстве: обилие хорошо кормленного скота *armenta boum...* *sues laeti...* *vassae...* *pingues haedi*; много хлеба (517 сл.), маслин (519), разных плодов (516 и 521); есть виноградники (522) и леса (520). Атмосфера *dies festi* напоминала Мартену сельский праздник в старой французской деревне, происходящий под председательством хозяина замка⁹.

⁸ Вина из долины По славой не пользовались, но «благородные вина рождались только в *arbusta*» (P l i n., NH, XVII, 199). Знаменитое цекубское давали лозы, вившиеся по тополям (P l i n., NH, XIV, 61); некоторые сорта прославленных аминейских лоз разводили в шпалерных виноградниках лишь в Кампании; в остальной Италии они шли хорошо только в *arbusta*. Номентанские лозы, которые Колумелла ставил сразу после аминейских, «были урожайнее в *arbusta*» (III, 2, 10—11, 15).

⁹ R. M a r t i n, *Recherches sur les agronomes latins*, P., 1971, стр. 131—134.

Мы наблюдаем то же явление, которое видели в первой книге, — смешение черт из крестьянской жизни с чертами быта богатого землевладельца. Сделаем шаг дальше: и агротехнические наставления «Георгик» «смешаны», они относятся к разным областям. Мы видели, что спасыванье зеленой и пользование бороной, т. е. посев *sub sulco*, — практика Циркумпаданской Италии, но плуг с «ушами», упомянутый в «Георгиках», нужен только при разделке поля лирами. «*Vere fabis satio* (215), *Circumpadanae Italiae ritu*», — добавляет Плиний (18, 120), но «по обычаю» тех мест, лен, овес и мак сеяли весной (Plin., XVIII, 205), у Вергилия посев льна и мака озимый (I, 212), как у Колумеллы (II, 10, 17 и XI, 3, 42). Маслина в долине По не растет, но о ней и некотором минимальном уходе за ней сказано.

В третьей книге Вергилий пишет о крупном, конечно некрестьянском, скотоводстве и о разведении рысистых лошадей для цирковых состязаний (III, 49—50). Питомниками таких лошадей были конские заводы в Апулии, о которых рассказывает Варрон («Сельское хозяйство», II, 7); схолиаст к Ювеналу (I, 155) пишет, что Тигеллин приобрел в Апулии и Калабрии обширные пастбища и «тщательно занялся выращиванием лошадей для квадриг». В таких заводах и закупали коней беговые общества. Если даже допустить, что состоятельному крестьянину взбрело в голову вырастить такого коня (а это требовало больших забот и больших расходов — см. Varr., loc. cit. 7), то что стал бы он с ним делать? Цирковые «партии» обращались, конечно, к владельцам заводов, и в табуне лошадей выискивали и подбирали четверки для состязаний. Что было делать крестьянину с его единственным скакуном? Только любоваться красивым и совершенно бесполезным животным, которое требовало очень хорошего корма, особого помещения, старательного ухода? Не слишком ли дорогое удовольствие?

О крестьянском огороде мы ничего не знаем. Ассортимент овощей, высеваемых у Симила (*Moretum*), почти совпадает с ассортиментом Колумеллы, который имел в виду, конечно, не крестьянский огород¹⁰. Симила растет свои овощи главным образом для продажи: «По базарным дням он на плече носил связки их в город» (*in urbem*: в Рим?). Перед нами профессионал-огородник, торгующий овощами со своего пригородного участка. Таким же пригородным огородником был и «корикийский старик» (Georg IV, 125—147). Мед, фрукты и цветы были товаром, который он продавал в соседнем Таренте (о пригородных огородах и разведении цветов за городом см. Varr., R. g., I, 16, 3).

Художественная ценность «Георгик» несомненна, и, конечно, они больше «усплаждали читателей», чем «поучали земледельцев». Вергилий так смешал подробности быта крестьянского и рабовладельческого, так переплел агротехнику разных мест, дав ее на фоне общеобязательных наставлений, что извлечь из его поэмы конкретные данные для характеристики хозяйства какого-либо определенного типа вряд ли возможно.

М. Е. Сергеевко

¹⁰ Ср. табличку:

«Moretum»	Колумелла	«Moretum»	Колумелла
olus 72	3,23	porrum sectivum 83	3,30
betae 72	3,42	nasturtia 84	—
rumex	—		семена упомянуты
malvae 73	—		3,14
inulae	3,35	intuba 85	3,27
siser 74	3,35	eruca 85	3,29
porra capitata 74	3,31	allium 88	3,21
papaver 75	3,42	apium 89	3,33
lactuca 76	3,25	ruta 89	3,38
cucurbita 77	3,48	coriandrum 90	3,29
cepa rubens 83	3,36		

VIRGIL'S *GEORGICS* AS AN AGRICULTURAL TREATISE

by M. Ye. Sergeyenko

Virgil's *Georgics* cast no special light on peasant farming: the cornfield and the vineyard required the same care from peasant and from large landowner, and the tools were the same. None of the Latin agronomists, neither Cato nor Varro nor Columella, says that the peasant cultivated his field in a manner different from that of his rich neighbour. There is no reason to suppose that the grain varieties mentioned by Virgil are the very ones the peasant sowed: one may rather suppose that he left out the plants particularly valued in peasant farming—the turnip, for instance, about which Pliny writes that in the Po valley it held third place after corn and wine (*H. Nat.* 18.127). In the *Georgics* scenes of peasant life are intermixed with details from the life of the large landowner.
